

ГЛАВА 1

До полного солнечного затмения оставалось четыре дня.

Технический персонал обсерватории APEX, принадлежащей десяти странам Евросоюза и Швейцарии, приступил к завершающей стадии подготовки уникального устройства с 12-метровой антенной. Южноафриканские астрономы в ожидании события сделали пробные снимки нескольких галактик и диффузных туманностей, используя самый большой телескоп в Южном полушарии — SALT с диаметром главного зеркала 11 метров. Особый ажиотаж творился на профессиональной обсерватории в Крыму, над которой должна будет пройти так называемая центральная линия затмения. Внимание астрономов всей планеты было привлечено к галактике NGC 4622, расположенной в созвездии Центавра на удалении 111 миллионов световых лет. Ее странную непохожесть на другие звездные скопления впервые зафиксировали астрономы из Алабамского университета с помощью орбитального телескопа Хаббл. Науке был подброшен совершенно необъяснимый, парадоксальный факт: эта галактика вращается *не в том направлении*. Механизм аномального вращения до сих пор не был объясним. Некоторые астрономы высказывали весьма шаткие гипотезы, объясняя феномен тем, что NGC 4622 поглотила другую галактику, которая вращалась в противоположном направлении...

* * *

Мать Анисья мысленно повторила изречение Марка Аврелия, которое помогало ей в те минуты, когда надо было решиться на ответственное и мучительное действие, — *делай*

что должен, и будь что будет. Она шелкнула зажигалкой и поднесла пламя к фитилю спиртовой горелки.

Леонтий вышел на балкон, он не переносил запаха паленой кожи. Тихо шелестел дождь. Влажный воздух был мутным, как запотевшее стекло, и очертания Привокзальной башни с часами утратили прежнюю суровую стройность. «Она торопится сделать это, — подумал он. — Она не доверяет мне».

Они только вернулись из Италии и еще не успели разобрать вещи. Две дорожные сумки лежали посреди первой комнаты, и на кожаных ручках висели самоклеящиеся багажные ярлыки. Каждый вынул из сумок лишь то, что, на его взгляд, вынуть следовало немедленно. Леонтий достал сувенирную икону апостола Петра, отогнул мельхиоровые уголки, отсоединил серебряную подложку. Внутри деревянного корпуса иконы было выдолблено углубление, в котором лежал пистолет. Мать Анисья из своей сумки выбрала *камень* и горелку от ароматической лампы, купленной в сувенирной лавке.

Он услышал, как в комнате скрипнул стул, и обернулся. Мать Анисья закончила, но горелку не загасила, пламя трепыхалось от сквозняка. Женщина ходила по комнате, поднимая и опуская руки, и при этом туго затянутый пояс ее шерстяного платья врезался в складки на талии.

— Свершилось, — бормотала она. — Свершилось...

«Свершилось ли?» — подумал Леонтий и заметил, что камня на столе уже нет. Боль понемногу отпускала, и мать Анисья села в кресло, зажгла бра и стала рассматривать, что получилось. Леонтий все же уловил отвратительный запах, и тошнота подкатила к горлу. Он раздавил пламя маленьким зеркальцем женщины, отчего на его поверхности осталось черное пятно. Если теперь посмотреть в зеркальце, то будет похоже, что на лице разбрызгана чернильная клякса. «Она торопится, она уже не может сдержаться».

Он сел напротив нее, вынул из кармана и вытряхнул на ладонь две белые подушечки мятной жвачки.

— У тебя изо рта трупный запах, — сказал он.

— Я знаю... А глаза? Может, мне надеть очки?

— В очках ты будешь выглядеть нелепо. Хотя...

Она изменилась. Леонтий это почувствовал сразу. Ее взгляд стало трудно выдерживать. Кажется, что ледяной ветер в лицо, отчего сразу накатывают слезы. Да, будет лучше, если она наденет темные очки. В Венеции она одевалась вольно — бриджи, кроссовки, широченная футболка, выпрошенная наружу, из-под которой едва выпирала обвисшая грудь. Она не надевала под футболку бюстгалтер, и это делало ее похожей на американку. Многие американки выглядят отвратительно. Они думают, раз природа не наделила их красотой, которая могла быть востребована бизнесом, то какой смысл тратиться на косметику, фитнес и эластичное белье? Лишь однажды она надела длинное шерстяное платье, когда спускалась в катакомбы. Но не потому, что там было холодно.

— Поддай мне бинт!

Ого! В ее голосе уже проскальзывают начальственные нотки. Леонтий вышел в первую комнату. Она *старается* властвовать. Она напрягается, чтобы повелевать. Это не власть. Истинная власть исходит из человека независимо от его воли. Даже когда он спит... Леонтий раскрыл створку шкафа, где висел его черный кожаный плащ. На нем еще не просохли капли дождя. В петле, пришитой на внутренней подкладке, стволом вниз висел пистолет. Леонтий зачем-то тронул его, испытывая необъяснимую потребность прикоснуться к металлу. Пистолет опасен, даже если не вложен в ладонь человека. Он источает власть бесконечно. Черное холодное божество...

— Ты куда пропал?

Ей невтерпеж. Она разучилась ждать и терпеть. Вожденная цель кажется ей слишком близкой. Но у них в запасе есть еще четыре дня. Целая вечность!

Леонтий вернулся, на ходу вскрывая упаковку с бинтом. Протянул ей тугий белый валик. Мать Анисья думала, что Леонтий ей поможет, усмехнулась и ухватила за кончик бинта зубами. У них никогда не возникал разговор о том, кому *быть*. Мать Анисья всячески давала понять, что эта тема обсуждению не подлежит. Она так решила, потому что ни у кого на земле не может быть аргумента против. Семь лет назад она впервые подняла эту тему в сектантской газе-

те «Один», которую редактировала. *«Из-за неверного перевода Послания святого апостола Павла человечество пребывает в глубочайшем заблуждении относительно женщин — служителей Церкви в раннехристианскую эпоху. Пастор Юния, чье имя упоминает Павел, была женщиной, как и пастор Нимфан».* Мать Анисья отстаивала свои права в религии с революционной отчаянностью Клары Цеткин.

Он отвернулся, чтобы не видеть того, что она с собой сделала. Его взгляд нечаянно упал на трюмо, стоящее напротив кресла, в котором сидела мать Анисья. То, что увидел Леонтий в зеркале, заставило его скорчить гадливую гримасу. Это все-таки омерзительно!

Она поймала его взгляд, тотчас вскочила с кресла.

— Я его разобью! Он больше не нужен!

Вышла на балкон, закрыла за собой дверь. Он слышал, как она долбит по камню рукояткой отвертки. «Он больше не нужен... Конечно, двух Богов быть не может. История достигла апогея, выше уже некуда и некому...»

— Подай мне молоток! — крикнула она с балкона.

— Откуда у меня молоток?

Мать Анисья тяжело задышала, сверкнула воспаленными глазами, оглядела комнату, затем схватила с тумбочки настольную лампу с тяжелой подставкой и снова вышла на балкон. Бум, бум, бум — раздавалось оттуда.

«Она крушит за собой лестницу...»

— Звони ему, — сказала мать Анисья, появившись на высоком, как пьедестал, пороге балкона. Ее руки, сжатые в кулаки, дрожали от напряжения. — Иначе я сейчас закричу.

ГЛАВА 2

Влад Уваров чувствовал себя скверно и второй день не выходил из дома. Температура его тела не поднималась выше тридцати восьми, но это, может быть, только растягивало процесс болезни на неопределенный срок. Из носа текло, в горле першило. Если бы не диссертация, которую надо было завершить к Новому году, Влад лежал бы в постели и выполнял весь комплекс медицинских рекомендаций

при ОРЗ. Он почувствовал себя плохо вчера, на шестом уроке, и у него едва хватило сил завершить рассказ о восстании Спартака. Директор отшатнулась от него как от прокаженного.

— Идите с глаз моих долой и лечитесь! Вас подменит учитель литературы.

Он пришел домой, лег и закутался в одеяло. Его трясло, хлопчатая майка мгновенно пропотела. Приступы кашля вырывали его из сна на протяжении всей ночи, и к утру Влад чувствовал себя совершенно разбитым. И все же он нашел в себе силы сменить насквозь пропотевшее белье да приготовить чай с медом.

Его жена, учитель пения в той же школе, трагически погибла несколько лет назад: переходила рельсы и остановилась на междупутье, пропуская товарный состав. В это же время за ее спиной промчался пассажирский экспресс. Воздушный вихрь сбил ее с ног и затащил под колеса товарняка. Второй раз Уваров не женился. Детей у него не было. Минувшим летом ему исполнилось тридцать.

Влад налил меда в стакан прямо из банки, глядя, как тягучая маслянистая жидкость золотистого цвета укладывается спиралью на дне стакана, а затем тает, проседает, утрачивает контуры и очертания. «Так и прошлое со временем уплотняется, прессуется, смешивается, и уже трудно разобрать, где какой виток истории». Он с сожалением подумал, что болезнь не позволила ему завершить урок так, как он хотел. Он не успел сказать детям главного: Спартак уникален тем, что был единственным известным истории главарем бунтовщиков, который не объявил себя царем. У него была власть, но он не *обозначил* в ней себя. А почему? Влад хотел, чтобы ученики задумались и сами ответили на этот вопрос. Но прежде они должны были избавиться от стойкого стереотипа, прописанного в учебнике, — что, дескать, Спартак был рабом. Эта ошибка появилась из-за неточного перевода исторических оригиналов с латыни. Спартак никогда не был рабом.

Влад отхлебнул чаю, противно сладкого, и почти сразу, после первого глотка, по телу прошла душно-липкая волна, а на лбу проступила испарина. Он оставил чашку и при-

двинул к себе стопку исписанных листов. Диссертация, которую он писал, была посвящена преемственности политических учений, начиная с античных времен и заканчивая эпохой Возрождения. Сейчас Влад штудировал дигесты Юстиниана. Материал перегонял по электронной почте из Рима его товарищ, сотрудник Национальной галереи античного искусства Адриано Варриани, с которым Влад познакомился во время обмена школьными делегациями в рамках кампании «История без границ». А красной тряпкой в борьбе за ученую степень был научный руководитель Сидорский Артем Савельич, крупный специалист в области кратологии, науки о власти.

Не успел Влад погрузиться в чтение, как раздался телефонный звонок. «Это директриса. Сначала спросит о здоровье, а потом намекнет, что было бы неплохо, если бы я провел запланированный семинар в десятом «А».

Он еще не решил, будет поднимать трубку или нет, как телефон заглох. Наступившая тишина показалась Владу глухой, словно его поместили в глубокий погреб да закрыли сверху бетонной плитой. Давящее чувство заставило его обернуться и посмотреть в запотевшее окно, за которым на мокром ветру раскачивался растрепанный тополь. Новый звонок заставил его вздрогнуть. Влад вскочил, но телефон вновь замолчал. «Что за шутки? Нет, это не директриса... Кто-то пытается дозвониться? Или балуется?»

После третьего звонка он кинулся в прихожую, где стоял аппарат. Но не успел. Тишина, воцарившаяся в квартире, стала нервировать. «Кто-то хочет со мной поговорить, но колеблется и всякий раз кладет трубку, потому как чувствует, что еще не готов, не все продумал...»

Теперь он ходил рядом с телефоном, поглядывая на него с нетерпением.

И тут он понял, что смушало человека, который трижды названивал ему. Определитель номера! Владу не полагалось знать номер телефона, с которого производился набор, и потому человек бросал трубку. АОН не успевал засечь комбинацию цифр.

Профессор Артем Савельич Сидорский вряд ли был выше полутора метров в росте. Он был горбатым, его позвоночник изогнулся внутри тела, словно корчащийся от боли удав. Так обозначил себя туберкулез костей, перенесенный в детстве. Позже он тяжело переболел гриппом, который дал осложнение на слух, и, общаясь с профессором, следовало говорить достаточно громко и при этом желательно не отворачивать лицо, чтобы Сидорский мог угадать нерасслышанное по губам. Инвалидность тем не менее не только не мешала ему заниматься наукой, но, возможно, даже способствовала успешному продвижению по научной стезе. Лишенный возможности выступать с лекциями перед аудиторией (у Сидорского, помимо всего, была отвратительная дикция), профессор писал научные статьи, учебники и вел к сияющим вершинам ученых степеней огромное количество соискателей.

Познания его были обширны. О великих правителях всех времен и народов Сидорский знал все, что только можно было знать. Он обладал удивительной способностью перерабатывать колоссальные объемы исторического материала и сопоставлять факты так, что доказательство некоего постулата становилось полным, исчерпывающим, не вызывающим ни малейшего сомнения. Профессор поставил точку на многих многолетних спорах историков. Он описывал жизнь великих правителей так, словно они были его соседями по лестничной площадке. Он поведал человечеству о том, что Абдул Кассим Исмаил — великий визирь Персии X века — во все свои походы всегда брал с собой библиотеку из 117 тысяч томов. Книги вез караван верблюдов, причем четыреста животных в этом караване располагались в алфавитном порядке, чтобы удобнее было найти нужную книгу. Профессору было доподлинно известно, что великий Чингисхан умер во время секса, приняв такую же смерть, какая восемьсот лет назад постигла Аттила-Варвара в брачной постели с молодой женой Илидиико. Благодаря профессору современные люди узнали пикантную деталь из жизни римского императора Юлия Цезаря. Ока-

зывается, правитель носил лавровый венок не ради обозначения своего величия, а для того, чтобы прикрыть прогрессирующую плешивость. С особым удовольствием Сидорский описал причуды римского императора Коммода, который обожал смотреть на гладиаторские бои в Колизее с участием карликов, *горбунов*, калек и прочих уродцев, собранных со всей Римской империи.

Кто-то из его учеников на крыле от «жигуля» отчеканил фразу Коммода: *«Величие Рима — это не мрамор сената, это песок Колизея»*. Этот странный сувенир, необыкновенно точно отображающий жизненное кредо профессора, висел в прихожей Сидорского на самом видном месте. Известность пришла к Артему Савельичу после выхода в свет его книги «Формула власти». В ней ученый доходчиво объяснил, что власть, которая дается человеку, — не только божий дар и счастливая комбинация звезд на небе. Это особый свод законов и правил, которыми обязан руководствоваться всякий правитель, желающий себе долголетия. Трактат вызвал бурю эмоций. О книге говорили и спорили политологи, имиджмейкеры, советники всех мастей. «Государь» Макиавелли на ее фоне выглядел собранием расплывчатых и весьма сомнительных рекомендаций.

Именно эта книга натолкнула Влада Уварова обратиться за помощью к Сидорскому и просить его стать научным руководителем. Влад прочитал «Формулу» за одну ночь, находя ответы на множество вопросов, которые были для него камнем преткновения. При первой встрече с профессором Влад признался, что более всего его впечатлила расшифровка механизма власти римских правителей в раннехристианскую эпоху.

— Но у меня сложилось впечатление, — умничал Влад, — что вы не решились открыто сказать о своем сенсационном открытии и потому изложили его эзоповым языком.

— По-моему, это ты сейчас говоришь со мной эзоповым языком, — сердито заметил профессор. — Ну-ка, выкладывайте, что за впечатление у вас сложилось?

— Вы как бы невзначай выделили Калигулу, Нерона, Кассия, Марка Аврелия как людей, связанных какой-то одной тайной, — сказал Влад. — Я понял так, что эта тайна

переходила от императора к императору эстафетой и по необъяснимым причинам оборвалась в пятнадцатом веке.

Профессор в это время заваривал чай и не смотрел на лицо Уварова, тем не менее прекрасно понял, что ученик имел в виду.

— Чуть говорите. Какая эстафета? Этих людей разделяли годы и даже столетия, — возразил он, но Уварову показалось, что профессор нарочно отрицает очевидное.

— А ваш намек о существовании некоего тайного противоборства между Калигулой и Сенекой...

— Какой еще намек?! — сердито прервал профессор.

Влад находился под впечатлением и не мог остановиться.

— Намек на то, что начало этой эстафете положил Понтий Пилат, только вернувшийся из Иудеи...

Профессор выронил стакан, осколки брызгами разлетелись по кухне.

— Вы переучились, юноша, — произнес Сидорский, нахмутив брови. — Ничего подобного я не утверждал... Антинаучный бред... Гм, Понтий Пилат! Вы докатились до того, что смешали библейский персонаж с научной историей!

И все же Уваров не мог отделаться от ощущения, что в работе профессора он уловил призрачный, едва обозначенный намек на некий *особый интерес* только взошедшего на престол Калигулы к отозванному прокуратору Иудеи, и этот *интерес* кровавым катком покатился по императорским династиям.

Как бы ни сблизила совместная работа Уварова и Сидорского, профессор оставался человеком замкнутым, а порой даже нелюдимым. Но один эпизод из жизни ученого просто отравил Уварову впечатление о своем кураторе. Открытие было сколь неожиданным, столь же и отталкивающим.

Жил профессор в старом доме, когда-то давно построенном Академией наук. Комнаты в нем были огромными, потолки высоченными, и если бы провести капитальный ремонт с заменой давно прогнившей сантехники и канализационных труб, да вставить пластиковые окна, да отремонтировать лифт, да умело перепланировать комнаты, то цены этому дому не было бы. Но жила в этом доме не элитная

профессура, а ее обнищавшие потомки, и стены в подъездах были исписаны отнюдь не математическими формулами, и доносились из-за дверей квартир далеко не научные споры. Сидорский остался единственным жильцом, который соответствовал академическому статусу дома.

Влад довольно часто приходил к профессору, и это было необъяснимым исключением из правил: обычно Сидорский никого у себя не принимал. Возможно, профессору импонировал редкостный аскетизм и самоотверженность подающего надежды молодого ученого, который жил далеко за пределами черты бедности. Как-то профессор назначил Владу встречу на поздний вечер, но попросил обязательно созвониться с ним заранее. Влад битый час накручивал диск телефона, но у профессора все время было занято. «Должно быть, у него что-то с телефоном».

Стояла ранняя весна, на улице была отвратительная погода. Влад направился к академическому дому пешком, так было удобнее, чем дожидаться на продуваемой всеми ветрами остановке троллейбуса. Влад шел дворами, раздумывая над тем, что у профессора открылось одно неожиданное качество: он умел приземлить любую, даже невероятно вознесшуюся над эпохами личность и объяснить всякий исторический феномен простыми и обыденными понятиями. Он зашел через арку во двор и увидел роскошную черную машину — кажется, это был джип «Лексус», впрочем, в марках автомобилей Уваров разбирался плохо, как, скажем, в названиях созвездий в ночном небе. Необычным было то, что подобные автомобили никогда не появлялись в этом бедном районе. Влад зашел в подъезд, обратив внимание на двух крепких мужчин, которые курили на входе и провожали его пристальными взглядами.

Влад поднялся на третий этаж, тщательно вытер подошвы ботинок о замусоленный половичок, как вдруг услышал за дверью профессора такое, что заставило его тотчас усомниться: а не ошибся ли он квартирой? Его рука повисла в воздухе, не достигнув кнопки звонка. Влад невольно попятился. Он ухватился рукой за поручень и стал спиной подниматься вверх, на пролет четвертого этажа. «Этого не может быть!» Темнота надежно скрыла его; Влад увидел, как

дверь медленно, словно с опаской, отворилась... «А мне-то что? Мне-то какое дело до *этого?*»... Влад позвонил в квартиру профессора минут через двадцать. Сидорский выглядел растерянным, машинально протянул Владу руку и зашаркал в глубь гостиной, почти не отрывая ступней от пола. Влад последовал за ним, разглядывая его горбатую спину, словно в первый раз, и с ужасом понимая, что ему трудно сосредоточиться на истории, что в его воображении появляются назойливые картины того, как *это могло происходить*.

— Садись, — произнес Сидорский, думая между тем о чем-то своем.

На круглом столе лежал какой-то сверток. Сидорский встрепнулся, вспомнив о нем, обхватил своими непропорционально большими руками и попытался затолкать куда-то между книг. Обертка надорвалась, и к ногам Сидорского упала пачка денег, перетянутая резинкой.

— Каждый зарабатывает как может, — проговорил Сидорский, изо всех сил пытаясь скрыть смущение. Он склонился кряхтя, поднял деньги и некоторое время в нерешительности мял пачку в руке. — А ты не нуждаешься? Я могу дать...

Влад почувствовал, как горячая волна стыда пробежала по его телу и выплеснулась через лицо и глаза. Он уже не мог думать ни о чем другом, и эти мысли стали болезненно-навязчивыми, и от них хотелось побежать куда-то в сырую ночь, сломя голову, и прыгнуть в черную стылую воду какого-нибудь заброшенного пруда.

— Я тебе расскажу... потом... — пробормотал профессор. — Дай бог, я не ошибся...

ГЛАВА 4

Звонки прекратились, и Влад с опозданием отключил определитель. Он предоставил возможность абоненту оставаться инкогнито, но абонент этой возможностью не воспользовался. «Может, это был профессор?»

Работу пришлось отложить, мысли были растрепаны, несколько оборванных звонков выбили из рабочего на-

строения. Влад сел у телевизора, обманывая самого себя. Он ждал нового звонка. В новостях выступал бородатый астролог, перечисляя известные истории катаклизмы и прочие драматические события, предвестником которых было полное солнечное затмение. «Никто не знает, что нас ждет на этот раз!» — страшал он.

Звонок, опять звонок! На этот раз Влад не торопился подойти к телефону. «Теперь ты меня не проведешь, не заставишь бегать по квартире, как обезьянка по клетке!» Звонок не обрывался, телефон продолжал наполнять квартиру веселой трелью. Влад вышел в прихожую, снял трубку.

— Алло! Это Влад Уваров? — услышал он незнакомый женский голос. — Вас беспокоит представитель церкви «Наследники Христа» мать Анисья... Алло! Вы меня слышите?

— Да.

— Вы не могли бы говорить громче?

«Наследники Христа», — вспоминал Влад. Сектанты часто подходили к нему на улице, предлагали брошюрки, давали адреса молитвенных домов, приветливо улыбались и обещали полное и быстрое спасение души. Влад побаивался этих преимущественно молодых и приятной внешности людей так же, как и цыган с их способностью зомбировать психику, и никогда не вступал с ними в беседы. Как-то представители «Свидетелей Иеговы» позвонили к нему в дверь и с порога задали вопрос, как он понимает библейское учение о бессмертии души.

Теперь, выходит, сектанты надумали обзванивать квартиры по телефону.

— Нет-нет, только не кладите трубку! — поторопилась предупредить мать Анисья, почувствовав настроение Влада. — Я вовсе не собираюсь прочищать вам мозги! Я знаю, что вы историк, и хочу предложить вам работу как историку.

Ее голос был дружелюбным, даже веселым, и не оставлял тягостного впечатления.

— И чем же я могу быть полезен вашей церкви? — спросил Влад. Он был несколько обескуражен предложением незнакомой женщины. Как *историку*. Может, она хочет,

чтобы он занимался агитацией? Выступал перед прихожанами?

— Вы могли бы принять нас сейчас с отцом Леонтием? Мы только приехали из Киева и находимся на вокзале.

— Вы уже звонили мне сегодня?

— Да, извините! Этот безобразный телефон-автомат! Он считывал с карточки единицы, а связь всякий раз срывалась.

Влад глянул на часы. Восемь пятнадцать. За окном стемнело, голова просто раскалывается, горло болит так, словно Влад выпил расплавленного свинца.

— Я себя плохо чувствую, — признался он. Если бы позвонил профессор и предложил встретиться, Влад, не раздумывая, тотчас бы оделся и вышел на улицу. А эта мать... Как же ее? Мать Анисья? Знает он, что ему хотят предложить! Сейчас начнут подсовывать брошюры с лощеными страничками и яркими, как в детских книжках, картинками да как бы между делом втягивать в дискуссию. Умеют они это делать.

— Вы, наверное, неправильно меня поняли, — сказала женщина. — Я вам предлагаю очень приличные деньги. Три тысячи долларов.

Деньги действительно приличные. Трех тысяч хватило бы на две поездки в Рим.

— И что я должен сделать? — осторожно поинтересовался Влад.

— Написать предисловие к книге.

— Предисловие к книге?.. Странно. Почему именно я?

— Это ваша тема.

Такого Влад не ожидал. Мошенники обычно предлагают другое: изучить технологию изготовления пуговиц в домашних условиях или сыграть в беспроигрышную лотерею. Разговор его заинтересовал. «Втянули все-таки! Умеют же они это делать!»

— А с чего вы взяли, что это моя тема? — спросил он, почти уверенный в том, что согласится принять представителей церкви у себя дома.

— Мы нашли в Интернете вашу статью о генуэзских колониях в Крыму.

Это правда, статья такая есть. Что ж, гости так гости. Влад оглядел комнату — беспорядок еще тот, но можно оправдаться тем, что неважно себя чувствует, да и вообще не ожидал гостей в столь поздний час. Кофе есть. В кухонном шкафу где-то завалилась коробка конфет, которую ему подарили на День учителя.

— Хорошо, — согласился Влад. — Приходите. Записывайте адрес...

Он положил трубку, как вдруг замер посреди прихожей... Чепуха какая-то получается. Не могли они прочитать его статью в Интернете. Не могли!

ГЛАВА 5

Свет прихожей высветил бледные лица гостей. Влад сделал шаг назад и широким жестом пригласил зайти. Мужчина проследовал в прихожую первым. Влад пожал его тонкую холодную руку. Их ладони соприкасались несколько дольше, чем было необходимо для демонстрации вежливости. Мужчина загораживал вход, и матери Анисье пришлось дожидаться на темной лестничной площадке. «Религия всегда вытесняла женщин на вторые позиции, — подумал Влад. — Церковнослужители и в быту придерживаются тех же правил».

Ему стало немного жалко женщину, которая воспринимала неуважение как должное.

— Что ж мы даме не даем войти! — попытался пошутить Влад.

Мать Анисья отрицательно покачала головой, продолжая стоять на прежнем месте, опустив руки в карманы черного плаща.

— Вы на меня не обращайте внимания, — сказала она. — Не беспокойтесь... Я сама с собой разберусь...

«Наверное, она тоже болеет... Прячет глаза... Носовой платок...»

Леонтий снял черный, блестящий от дождя плащ, повесил его на крючок и скользнул взглядом по стенам прихожей.

— У вас здесь уютно. Можно пройти в комнату?

Он был сухощав, даже мелок. Лицо бледное, несвежее, словно нарисованное одним угольным карандашом. «Неудивительно. Человек только с поезда». Леонтий прошествовал в гостиную, бегло оглядел ее и сел на диван. Узкий чемоданчик-«дипломат» он поставил на пол между ног.

— Нет-нет, не надо! — сказала мать Анисья, когда Влад попытался помочь ей снять плащ. — Я сама... И вообще, вы держитесь от меня *подальше*. Я не совсем здорова.

Что ж, как ей будет угодно. Влад прошел в комнату, сел напротив Леонтия. Улыбаясь, они некоторое время смотрели друг на друга. «Прежде я должен узнать, почему они сказали мне неправду».

— Хотите кофе?

— С удовольствием.

— В поезде, наверное, было очень душно?

— Простите, где?

Разговор нелепый и несвязный. Так бывает, когда собеседники в первую голову думают о впечатлении, которое производят, а уж потом — о деле.

Вошла мать Анисья. В длинном, почти до пола, темно-коричневом платье она казалась маленькой, по-домашнему уютной. Правая рука ее скрывалась в кармане. Темные волосы, расчесанные с пробором посередине, были сплетены в куцую косичку. Глаза женщины слезились, кайма век воспалилась. «Наверное, у нее конъюнктивит. Это бывает при ОРЗ. Падение иммунитета».

Мать Анисья остановилась посреди комнаты, глядя на картину Максимова «Quo vadis» («Камо грядеши»). На ней была изображена Аппиева дорога — место, где, по преданию, апостолу Петру повстречался Христос. Скандальная изюминка картины заключалась в том, что на ней был изображен только апостол, держащийся за голову и с ужасом оглядывающийся на чадающий Рим. Понимать это следовало так: никого Петр не встретил; его просто заела совесть, и он решил вернуться.

— Вы такой молодой, а уже зарекомендовали себя как противник ортодоксов в науке, — сказала мать Анисья. — Вам нравится опровергать общепризнанные догмы?

— Почему нравится? — возразил Влад. — Просто я привык лично перепроверять каждый факт... Хотите помыть руки?

«Странно, что ее правая рука все время находится в кармане. Как будто она прячет там оружие».

Он проводил женщину в ванную, показал, где висит свежее полотенце. Мать Анисья поблагодарила, закрыла дверь и щелкнула изнутри замком. Затем раздался звук воды. «Определенно, она скрывает свою руку. Может, она у нее больна?»

Влад вернулся в комнату и с ходу — так было легче — спросил у Леонтия:

— Вы знакомы с профессором Жерардо Бамонте?

— Нет, не имею чести, — немного подумав, ответил Леонтий.

— Удивительно! — усмехнулся Влад, как если бы столкнулся с неким забавным приключением. — Как же вы смогли зайти на внутренний сайт Римского университета «Sapienza»? Моя статья была опубликована именно там, что потребовало личного разрешения профессора Жерардо Бамонте. Без его визы никто не может не то что поместить статью на сайте, но даже просто зайти туда.

Леонтий кивнул.

— Вы правы, — ничуть не смутившись, ответил он. — Но Жерардо Бамонте был слишком занят и недоступен, и мы не стали беспокоить его своей пустячной просьбой. Студенты стали нашей палочкой-выручалочкой! Вы же сами еще недавно пели «Gaudeamus» и знаете, как хронически студентам не хватает денег.

«Достаточно убедительно. Это не бог весть какое преступление — провести постороннего в аудиторию, посадить за компьютер и позволить войти на внутренний сайт».

— Что ж, — сказал Влад. — Давайте поговорим о вашей книге.

— О книге вам лучше расскажет мать Анисья.

Воцарилось неловкое молчание. Леонтий делал вид, что с интересом рассматривает картины и всякие безделушки на полках вроде эбонитовых статуэток. «Что ж она так долго? Может, ванну принимает?»

Наконец шелкнул шпингалет, и женщина вошла в комнату. Влад обратил внимание, что мать Анисья уже не держит руку в кармане платья. «Я был прав, ее рука *больна*», — подумал он, заметив тугую бинтовую повязку, которая стягивала правую руку женщины.

— Что ж, — сказала мать Анисья с таким видом, словно никуда не отлучалась и все время присутствовала при разговоре мужчин. — Теперь самое время поговорить о книге.

Но Влад снова почувствовал, что рассеян, — он раздумывает над странным, необычным поведением женщины. Рукав ее платья чуть выпачкан в чем-то белом, возможно, в побелке. До того как она вошла в ванную, этого не было. Выходит, она выпачкалась там? Но где же там побелка? Стены обшиты кафелем.

Мать Анисья поставила на колени тонкий кожаный портфель, пальцы ее коснулись замка.

— Прежде чем передать рукопись, — сказала она, — я бы хотела напомнить о том, что мы обратились к вам как к историк, исследователю, перспективному ученому... У простого обывателя эта книга, возможно, вызовет чувство возмущения, недоумения или раздражения. В вашем лице мы видим иного человека.

— И кого же вы видите в моем лице?

— Оппонента. Серьезного ученого, который всякий свой довод будет подкреплять обоснованными фактами. Мы ждем от вас беспощадной критики в тех местах, где вы с нами не согласитесь. И, конечно же, мы с благодарностью примем вашу поддержку...

Она не договорила. В прихожей зазвонил телефон. Владу показалось, что в воспаленных глазах матери Анисьи отразилась искра тревоги.

Влад извинился и вышел.

— У тебя все в порядке? — услышал он голос профессора Сидорского. Речь Артема Савельича была невнятной, будто профессор зажал пальцами нос да еще сунул за обе щеки по грецкому ореху.

— Приболел немного, — признался Влад.

— Я не о том... Тебе никто не звонил? Никаких странных предложений не было?

Влад, не отрывая трубку от уха, кинул взгляд на распахнутую дверь в комнату и тотчас встретился взглядом с матерью Анисьей. Женщина улыбнулась, подняла *здоровую* руку и приветственно пошевелила пальцами.

— Как сказать... — пробормотал Влад.

— Ага! — догадался профессор. — Они уже у тебя. Так вот, слушай меня. Гони их из дома поганой метлой. Это сектанты и мошенники. Полнейшие дилетанты не только в теологии, но и в философии и истории! Они мне звонили сегодня, и я имел несчастье беседовать... как там она представилась? Мать Анисья?

— Но... пока еще... — произнес Влад, мучительно подбирая слова.

— Ты пока еще не раскусил их? — пришел на помощь профессор. — Так я расскажу тебе, что будет дальше. Они предложат тебе отрецензировать некую рукопись... Что? Уже предложили?

— В общем-то, да.

— И ты согласился?

Леонтий вдруг подошел к Владу и, натянуто улыбаясь, встал рядом, словно занял очередь, чтобы позвонить. «Как неудобно!» — думал Влад, покусывая губы. Профессор явно продемонстрировал свой скверный характер. В общении со своими учениками он был абсолютным монархом, исповедующим истину в конечной инстанции. Никакой демократии! Никакого плюрализма. Совершенную историю преподавал только он. Все остальное, открытое, написанное и доказанное другими историками, если оно противоречило мнению Сидорского, именовалось профессором не иначе как «антинаучная бредятина».

— Я еще не пришел к окончательному решению, — произнес Влад расплывчатую фразу.

— Ты слышал, что я тебе сказал? Гони их немедленно!

— Извините... Я перезвоню вам позже.

— Что? — Профессор зашелся в праведном гневе. — Ну, знаешь...

Влад никогда раньше не смел разговаривать с профессором в таком тоне, тем более первым завершать разговор с ним. Но профессор зашел слишком далеко. Он, по сути,

внедрялся в личную жизнь Влада. В конце концов, Влад имеет право сам решать, как ему зарабатывать на хлеб. Профессор же позволяет себе зарабатывать весьма *сомнительным* способом, причем зарабатывать большие деньги.

Влад опустил трубку, чувствуя, что теперь на душе будут скрести кошки. Так всегда с ним: сначала сделает, потом мучается от осознания своей вины. Ладно, «наследники Христа» уйдут, и Влад сразу же позвонит профессору и извинится перед ним.

Он вошел в комнату, заряженный принципиальной разборчивостью профессора. «Никакой науки! Голый бизнес!»

— Вы деньги принесли? — с порога спросил Влад, давая понять, что в проблеме гостей его интересует только материальная сторона вопроса.

— Конечно, — ответил Леонтий. — Мы готовы заплатить вам аванс.

Он вынул из кармана пиджака портмоне и стал отсчитывать доллары.

— А вдруг вы откажетесь? — спросила мать Анисья.

— Не откажусь.

— Я хочу убедиться, что вы хорошо понимаете, что от вас требуется.

— Я прекрасно все понимаю. Я выражу свое самое субъективное отношение к рукописи. Я камня на камне не оставлю на том, что покажется мне вздорным. Я буду беспощаден к скоропалительным выводам, поверхностному осмыслению и нарушениям логической взаимосвязи. Такой ответ вас устраивает?

— Вполне, — сказал Леонтий, придвигая Владу стопку денег. — Сколько вам понадобится дней, чтобы изучить рукопись и написать рецензию?

— Три дня, — ответил Влад.

— Два, — поправил Леонтий. — Два дня. Потому как *дорога ложка к обеду*.

Он кивнул своей спутнице. Мать Анисья щелкнула замочком на портфеле и вынула рукопись в зеленой папке.

— Это всего лишь гипотеза, — предупредил Леонтий, мягко опуская ладонь на рукопись.

— Я разберусь, — заверил Влад и встал, давая понять,

что пора честь знать. — Не исключено, что я сделаю работу раньше срока. Как мне вас найти? Вы где остановились?

— Нигде, — ответил Леонтий и улыбнулся. — Мы сами вам позвоним.

Проводив гостей, Влад первым делом сгрэб со стола деньги и пересчитал. Тысяча долларов! Ого! Вот так дела! Это **мошенники**, вспомнил он слова профессора. Погорячился Артем Савельич. Что ж это за мошенники, которые оставили аванс в твердой валюте и обещают заплатить еще вдвое больше за какую-то рецензию? Это не мошенники. Это чудаки.

Некоторое время Влад ходил по комнате, поглядывая на стеллажи с книгами, историческими журналами, вестниками археологии и подшивками статей и отчетов. Где же тут собака зарыта? В чем подвох? Красть у него нечего. «Жучки» ставить незачем, потому как никаких секретных разговоров он не ведет по причине абсолютного незнания секретов. На иностранную разведку работать не предлагали.

Он открыл папку с рукописью, раскрыл на предпоследней странице, ибо основная часть любой научной работы — это только преамбула, а суть — в конце, в выводах. Принтер, на котором был отпечатан текст, страдал какими-то техническими болезнями, многие буквы едва читались.

«Отсутствием наследников у Бартоломео Коллеоне, выдающегося итальянского кондотьера, далекого потомка библейского Понтия Пилата, в какой-то мере можно объяснить его невиданную щедрость и относительное бескорыстие. Почему относительное? Бартоломео, отдав часть своего имущества (100 тысяч дукатов золотом) Венеции для благотворительных целей, выдвинул условие, что за это ему соорудят памятник на центральной площади Сан-Марко. Но так ли был щедр прославленный полководец? Только ли деньги в понимании кондотьера представляли истинную ценность? Будучи по-военному педантичным и расчетливым, Коллеоне в своих завещаниях до мельчайших подробностей описал и распределил принадлежащие ему ценности, а также малополезное имущество и даже старые носильные вещи. Странно то, что ни в одном из своих завещаний он не упомянул внешне пустяковый лом античной архитектуры, что противоречило скру-

пулезной аккуратности военачальника. Создается впечатление, что каменной коллекцией должен был распорядиться человек, с которым у Бартоломео существовала некая тайная устная договоренность. Но такой человек не объявился после смерти полководца, и все не востребовавшее было положено в место захоронения Коллеоне...»

Влад вдруг почувствовал, что его внимание к тексту пропадает. Он отвел взгляд и увидел на полу едва заметное белое пятно. Опустился на корточки, тронул пятно пальцем, растер. «Ах, ванная!» Ему надо было сразу зайти туда, прежде чем пересчитывать деньги!

Влад открыл дверь и заглянул в ванную. Воздух сухой, пахнет мылом, раковина усыпана мутными каплями, похожими на волдыри... Влад посмотрел в корзину для грязного белья, выудил оттуда влажное полотенце, расправил его, поднес к свету. Зачем он копается в *грязном белье*? Почему ему тревожно?

Он различил смазанные белые пятна, как если бы мать Анисья чистила пастой зубы, да перемазалась и вытерлась полотенцем. «Это похоже на известку». Он поднял голову, глянул на идеально оштукатуренный потолок, на облицованные плиткой стены, штангу лейки, лючок вентиляции, карниз «мойдодыра» с подсветкой... Странная женщина.

ГЛАВА 6

Витторио не помнил, чтобы в этот день на кладбище собралось такое количество народа. По старинной итальянской традиции жители города оказывали почести своим предкам и посещали кладбища с многоярусными могилами. Случалось, что в этот день водители нарушали правила парковки и заезжали передними колесами на газон перед главными кладбищенскими воротами. Или, допустим, в арке, которую венчал крест из черного мрамора, образовывалась толчея, и тогда Витторио вооружался громкоговорителем и в течение нескольких минут наводил порядок. Но в этот раз словно весь город хлынул на кладбище! Для поддержания порядка прибыла дюжина полицейских. Народ

валил по центральной аллее плотным строем, напоминая поток бурной горной реки. Навстречу плыл такой же поток тех, кто уже отдал дань памяти усопшим. На площади между колумбарием и часовней начинались завихрения. Это было похлеще, чем массовые гулянья в день «palio» в Сиене.

Как назло, трудный день тянулся необыкновенно долго. К вечеру, когда посетителей почти не осталось, пошел мелкий морозящий дождик, и Витторио накинул синий форменный плащ. Перешагивая через разбросанные повсюду поминальные пластиковые стаканчики, раздавленные цветы и бумажные обертки, он время от времени кидал взгляд на темные окна колумбария, любуясь своим отражением. Как всякий уважающий себя итальянец, Витторио обожал свою форму, а точнее, себя в ней. А как же иначе должен относиться к своему имиджу охранник старейшего венецианского кладбища! Главное в его жизни — стиль и подчеркнутое уважением к усопшим. Какие великие личности здесь покоятся! Подойди к любой надгробной плите или склепу, прочти выбитые в граните имена, и почувствуешь ледяной, пахнущий плесенью и тайнами запах древней истории...

Витторио свернул на аллею номер сорок шесть. По этой аллее проходил маршрут его каждодневного обхода. Надо проверить, не осталось ли на территории посетителей, не болтаются ли тут пьяная молодежь, не шныряют ли между замшелых крестов *guidone* — бродяги и бомжи. Для одних кладбище — это место духовного воссоединения с умершими предками. А для других — место греховных утех, прибежище для наркоманов и приют для бомжей. Всех надо гнать в шею! С наступлением сумерек среди могил не должно остаться ни одной *живой* души.

Дойдя до роскошного склепа из красного гранита, над которым возвышался многотонный каменный крест с бронзовым распятием, окруженный по периметру мощными чугунными цепями (последнее пристанище Рики Бертуччи, местного мафиози, между прочим), Витторио свернул налево. Теперь еще метров двести по узкой дорожке, выложенной коричневой плиткой, а там начнется старин-

ная часть кладбища, куда любят заходить туристы. Оглядывая хозяйским взглядом угрюмые надгробия, Витторио обращал внимание на то, что многие мусорные корзины переполнены и завтра утром уборщикам предстоит большая работа. В его обязанность входило обеспечивать уборщиков форменными халатами и инвентарем. От желающих прошерстить одно из самых знаменитых городских кладбищ отбоя не было. Во-первых, за несложную работу давали неплохие деньги. А во-вторых, почему-то именно на кладбище люди чаще всего теряют ценные вещи. Уборщики находят кошельки, часы, сережки, мобильные телефоны. Да и недопитой бутылочкой водки «Grappa» или «Sambuc» можно разжиться.

Охранник дошел до самой глухой части кладбища. С этого места, собственно, и начались захоронения. Никто не знает, когда был предан земле первый венецианец, ибо на многих могильных плитах уже невозможно разобрать ни имени усопшего, ни даты рождения и смерти. Но Средние века запечатлены здесь отчетливо... Витторио постоял немного, обводя взглядом серые плиты, кресты и каменные фигуры святых и скорбящих матерей, и поднял воротник плаща. Стало прохладно. Сейчас он пройдет по шестому сектору, оттуда выйдет на двадцать третью аллею и вернется к колумбариям, замкнув, таким образом, первый круг.

Он уже собрался повернуться и продолжить обход, как вдруг что-то привлекло его внимание.

— Что за ерунда, — негромко произнес Витторио.

Ему показалось, что в строгом порядке склепов и надгробий появилась некая лишняя деталь, ускользающий от внимания элемент неаккуратности. Витторио медленно двинулся по узкой дорожке к старинному склепу, не сводя глаз с тяжелых каменных створок, похожих на две огромные книги, поставленные на торцы. Он не смотрел под ноги и потому нечаянно наступил на что-то твердое. Остановившись, Витторио увидел под ногами небольшой белый предмет размером с кулак ребенка. Подняв его, охранник поднес предмет к глазам.

— Первый раз такое вижу, — пробормотал он и неволь-

но оглянулся, словно хотел увидеть того, кто этот предмет потерял.

Можно было предположить, что этот небольшой кусочек мрамора отвалился от какой-нибудь надгробной скульптуры, но края камня были гладкими, отшлифованными, а одна из его сторон напоминала миниатюрный барельеф с выпуклым замысловатым узором. Витторио покачал головой. Скорее всего, камень был украшением какой-нибудь могилы, деталью композиции. Но вот какой именно — сказать было решительно невозможно. Затолкав камень в просторный карман плаща, Витторио двинулся дальше, но сделал всего несколько шагов, как невольно воскликнул:

— Мать честная!

Одна из створок старинного склепа была приоткрыта. Образовавшаяся щель была узкой, но вполне достаточной для того, чтобы в нее мог протиснуться худощавый человек. Витторио поднял глаза. На мраморной табличке было выбито: «*Кондотьер Бартоломео Коллеоне, 1400—1475*».

Такого безобразия Витторио давно не видывал. Последний случай произошел лет пять назад, когда группа сатанистов вскрыла и осквернила несколько склепов. Охранник стоял напротив приоткрытой двери и не знал, что делать. Он готов был поклясться, что еще утром здесь было все в порядке. Кому понадобилось нарушать покой прославленного кондотьера? Витторио покашлял и сделал шаг по ступеням вниз, к створкам. А вдруг внутри кто-то есть? Может, какой-нибудь *guidone* устроился там на ночлег? Предположение, конечно, нелепое. Там холодно и мрачно, разве что острое любопытство может заставить нормального человека зайти внутрь склепа. Но чтобы там ночевать!

Он сделал еще шаг.

— Кто здесь? — спросил он грозным голосом и, не получив ответа, осторожно заглянул внутрь склепа.

Полный мрак, ничего не видать. Как хорошо, что он прихватил с собой фонарик! Витторио откинул длинные полы плаща и отстегнул висящий на поясе тонкий полицейский фонарик размером не больше сигары. Бледно-белый лунный луч пронзил темное пространство склепа. Вит-

торио рассматривал низкий замшелый свод, суровые стены и присыпанный крупным щебнем земляной пол. По центру из земли выступала верхняя грань гробницы. Едва луч света упал на плиту, которая служила крышкой, как ледяная волна пробежалась по груди Витторио.

— Бог мой... — прошептал он.

Крышка была чуть-чуть сдвинула в сторону. Рядом лежала короткая монтировка. Снова вандалы? Но когда же это произошло? До недавнего времени на кладбище было полно народа. Впрочем, здесь, где находились самые старые захоронения, было малоллюдно. Века растворили потомков вельмож в человеческом океане, и интерес к древним склепам испытывали разве что туристы.

Перебарывая страх, Витторио зашел внутрь. Мертвецкий холод обжег его лицо. Надо навести порядок, вернуть все в первоначальное состояние. Иначе не миновать серьезного скандала... Ноги с трудом слушались его, фонарик дрожал в руке, и белый луч прыгал по углам гробницы. Дурные предчувствия заполнили его сознание. А вдруг створки склепа сейчас захлопнутся? При этой мысли его охватил ужас. Преодолевая себя, охранник приблизился к гробнице и подобрал с земли монтировку. Наверняка здесь орудовали потрошители могил. Может, тот белый камень, похожий на сплющенное яйцо, они вынули из гробницы, да затем выкинули, убедившись, что отшлифованный кусочек обыкновенного мрамора не представляет никакой ценности.

Витторио просунул конец монтировки под плиту и попытался поставить ее на место. Но плита даже не дрогнула. «Надо встать над гробницей, — подумал Витторио, — и взяться за монтировку обеими руками». Ему не хотелось приближаться к жуткой черной щели, но из другого положения он вряд ли бы справился с тяжелой каменной крышкой. «Только не надо смотреть туда», — думал Витторио, широко расставляя ноги. Ему пришлось взять фонарик губами, чтобы освободить вторую руку. Уперся каблуками в каменную крошку, загнал конец монтировки под плиту, изготовился... «Только не надо смотреть туда...» Но голубоватый кружок света, скользя по плите, будто нарочно при-